

ИЗД. І. КНЕБЕЛЬ
МОСКВА

КАКЪ МЫШИ КОТА
ХОРОНИЛИ
СОЧ. В. ЖУКОВСКАГО
РИС. Г. НАРБУТЪ

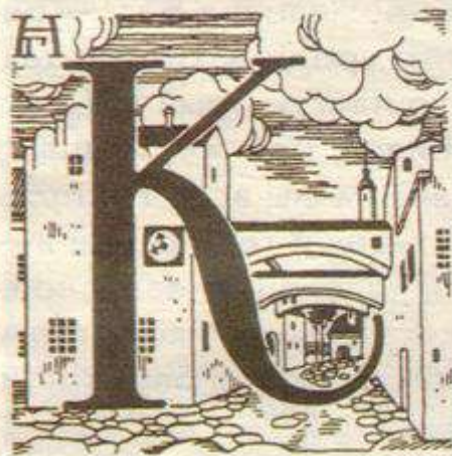
СОЛНЦУ, ЗВѢЗДАМЪ И ЛУНѢ,

ДѢТЯМЪ ВСѢМЪ ВО ВСЕЙ СТРАНѢ

ГЕОРГИИ НАРБУТЪ

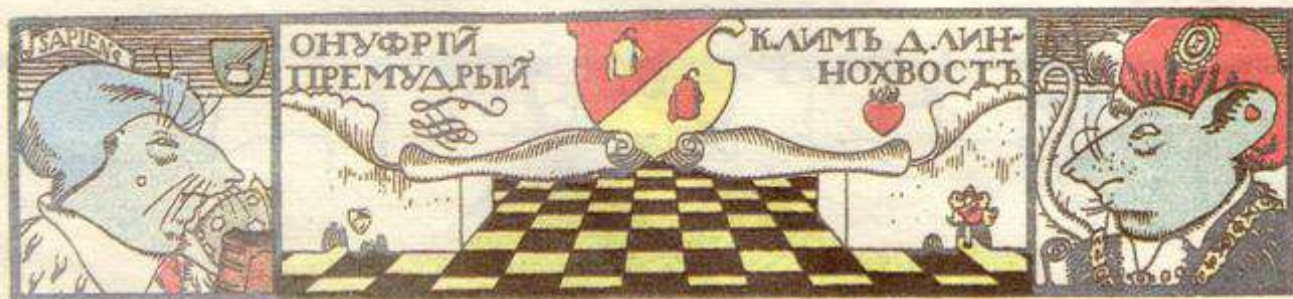
ошачий род давно враждует с мышиным. Но этот хитрый Котище Федот Мурлыка для нас наказание Божие. Вот как я с ним познакомился. Глупым мышенком был я еще и не знал ничего. И мне захотелось высунуть нос из подполья. Но мать Царица Прасковья с крысой Онуфрием крепко-накрепко мне запретили норку мою покидать; но я не послушался, в щелку выглянул: вижу камнем выстланный двор; освещало солнце его, и окна огромного дома светились; птицы летали и пели. Глаза у меня разбежались.

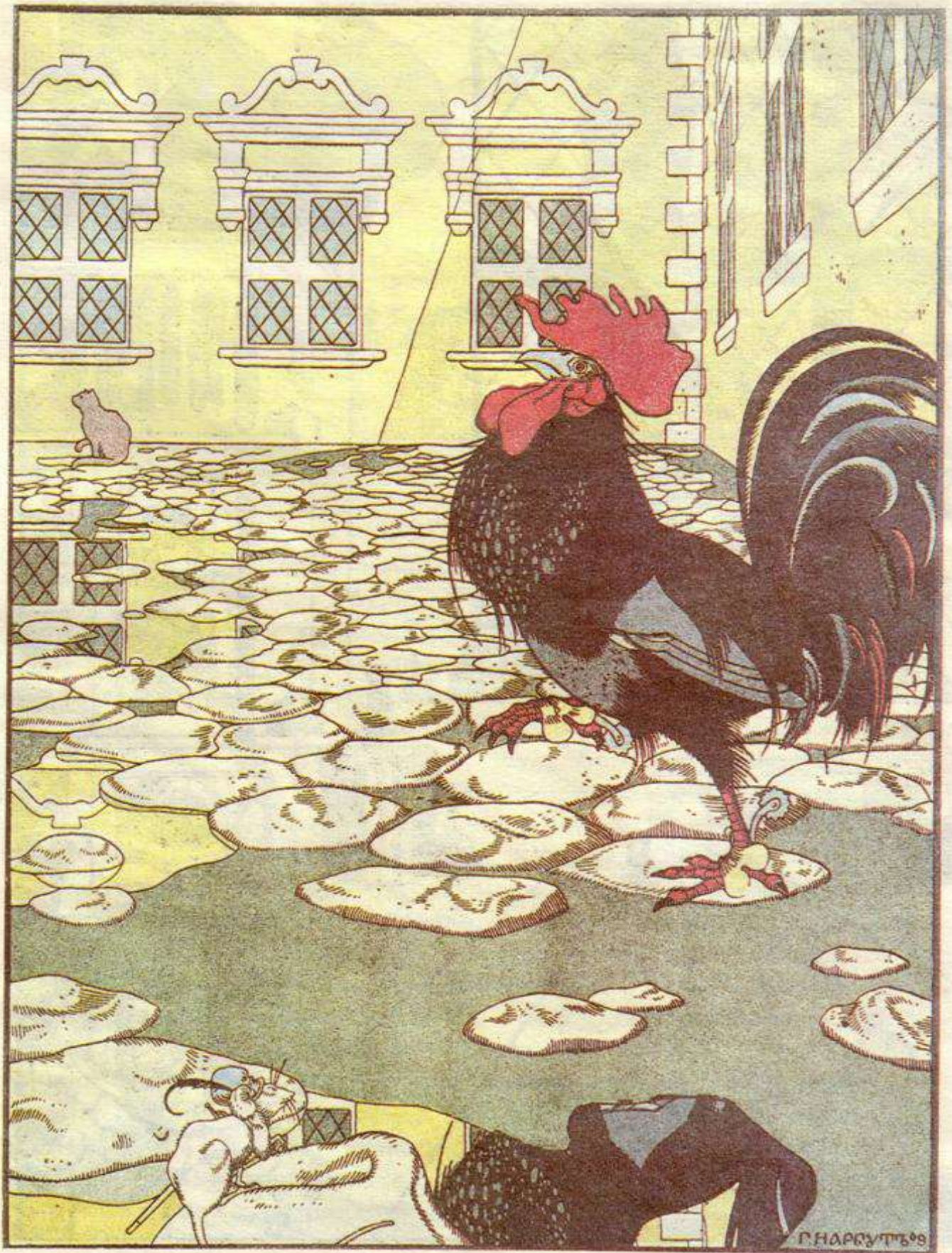

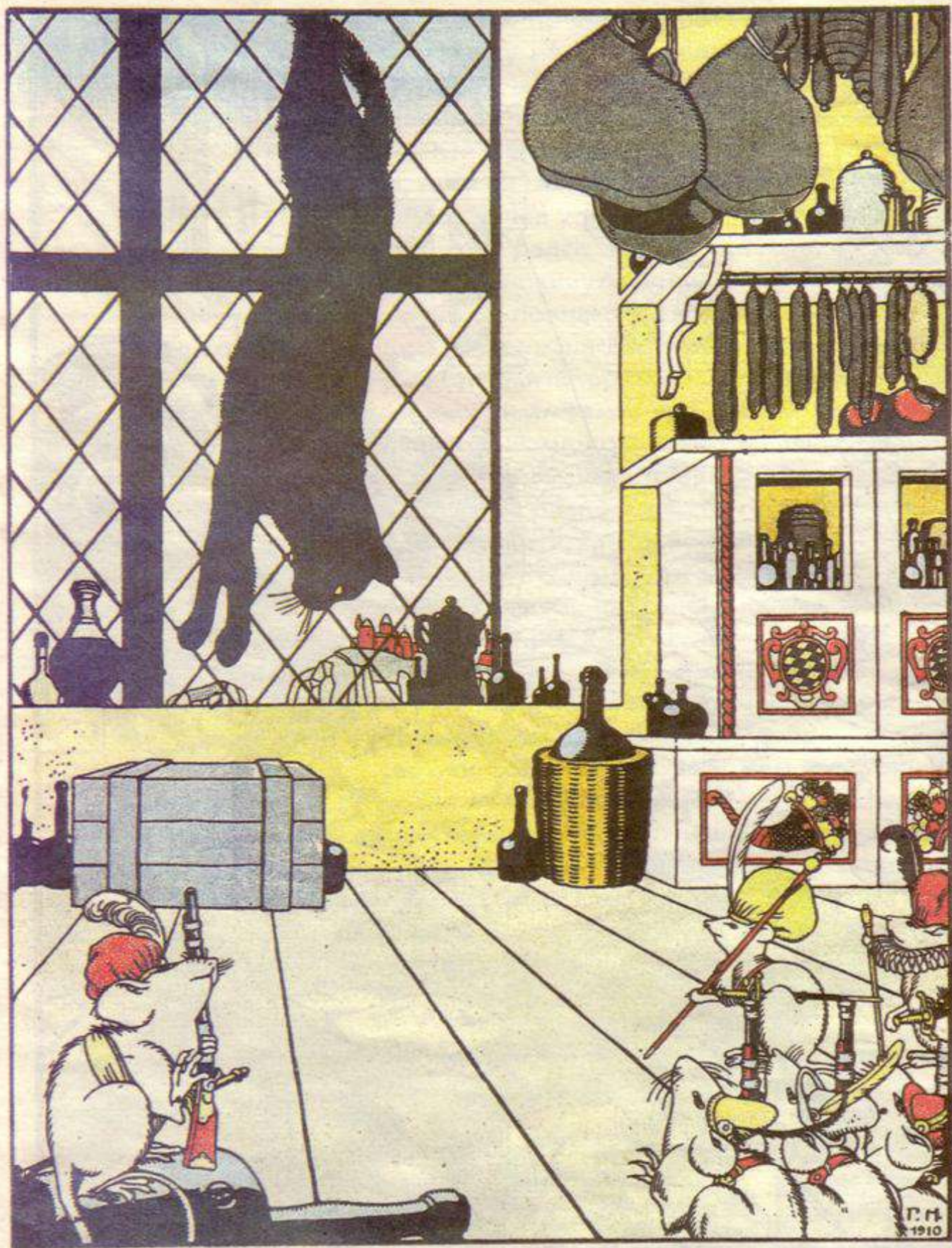

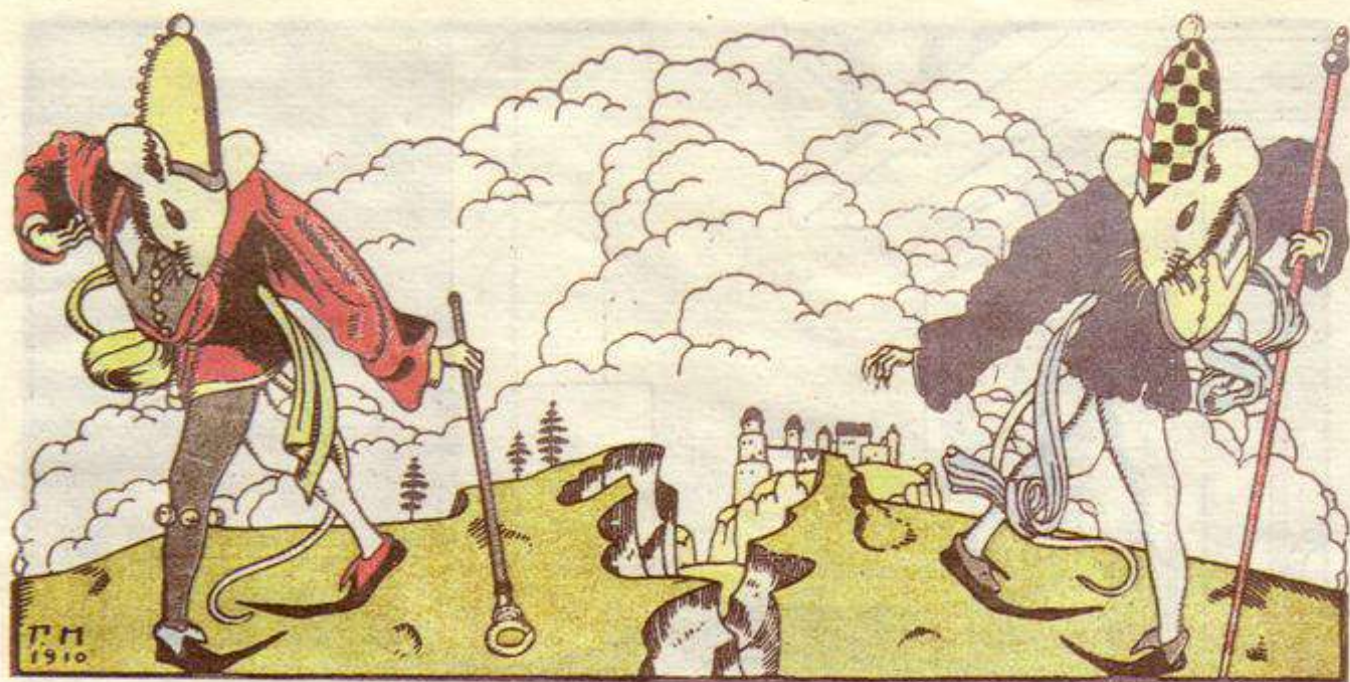
Выйти не смея, смотрю я из щелки и вижу на дальнем крае двора зверек усатый, сизая шкурка, розовый нос, зеленые глазки, пушистые уши, тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка, так и виляет. Потом он своею бархатной лапкой начал усатое рыльце себе умывать. Облилося радостью сердце мое, и я уж собирался покинуть щелку, чтоб с милым зверьком познакомиться. Какой-то страш-

ный урод ко мне подходит; широко шагая, черные ноги свои поднимал он, и когти кривые с острыми шпорами были на них; на уродливой шее длинные косы висели змеями; нос крючковатый; под носом трясся какой-то мохнатый мешок, и как-будто красный с зубчатой верхушкой колпак, с головы перегнувшись, по носу бился, а сзади какие-то длинные крючья разного цвета торчали снопом. Не успел я от страха в память придти, как с обоих боков поднялись у уроды словно как паруса, начали хлопать, и он раздвоивши острый нос свой, так заорал, что меня как дубиной треснуло. Как прибежал я назад в подполье, не помню. Крыса Онуфрий, услышав о том, что случилось со мною, так и ахнул. «Тебя помиловал Бог, — он сказал мне, — свечку ты должен поставить уроду, который так кстати криком своим тебя испугал; ведь это наш добрый сторож петух; он горлан и со своими большой забияка; нам же, мышам, он приносит и пользу: когда закричит он, знаем мы все, что проснулись наши враги; а приятель, так обольстивший тебя своей лицемерной харей, был не иной кто, как наш злодей записной, объедало кот Мурлыка; хорош бы ты был, когда бы с знакомством к этому плуту подъехал: тебя б он порядком погладил бархатной лапкой своею, будь же вперед осторожен».

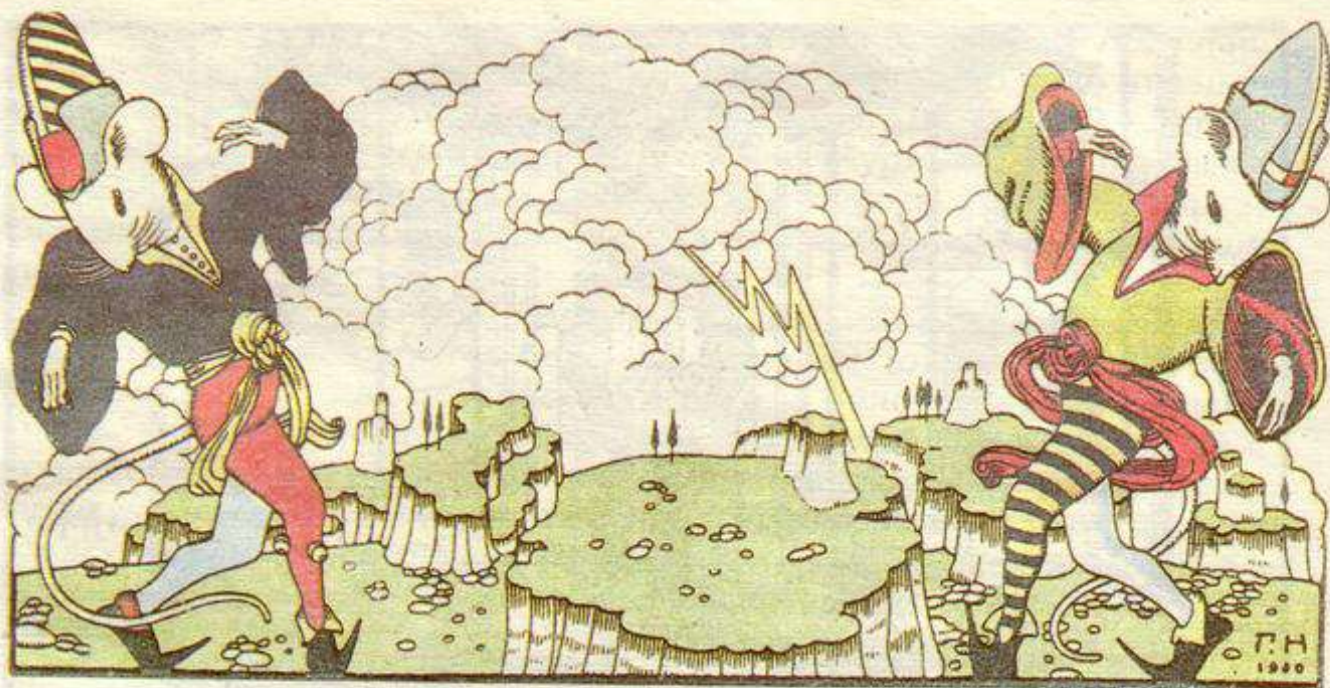

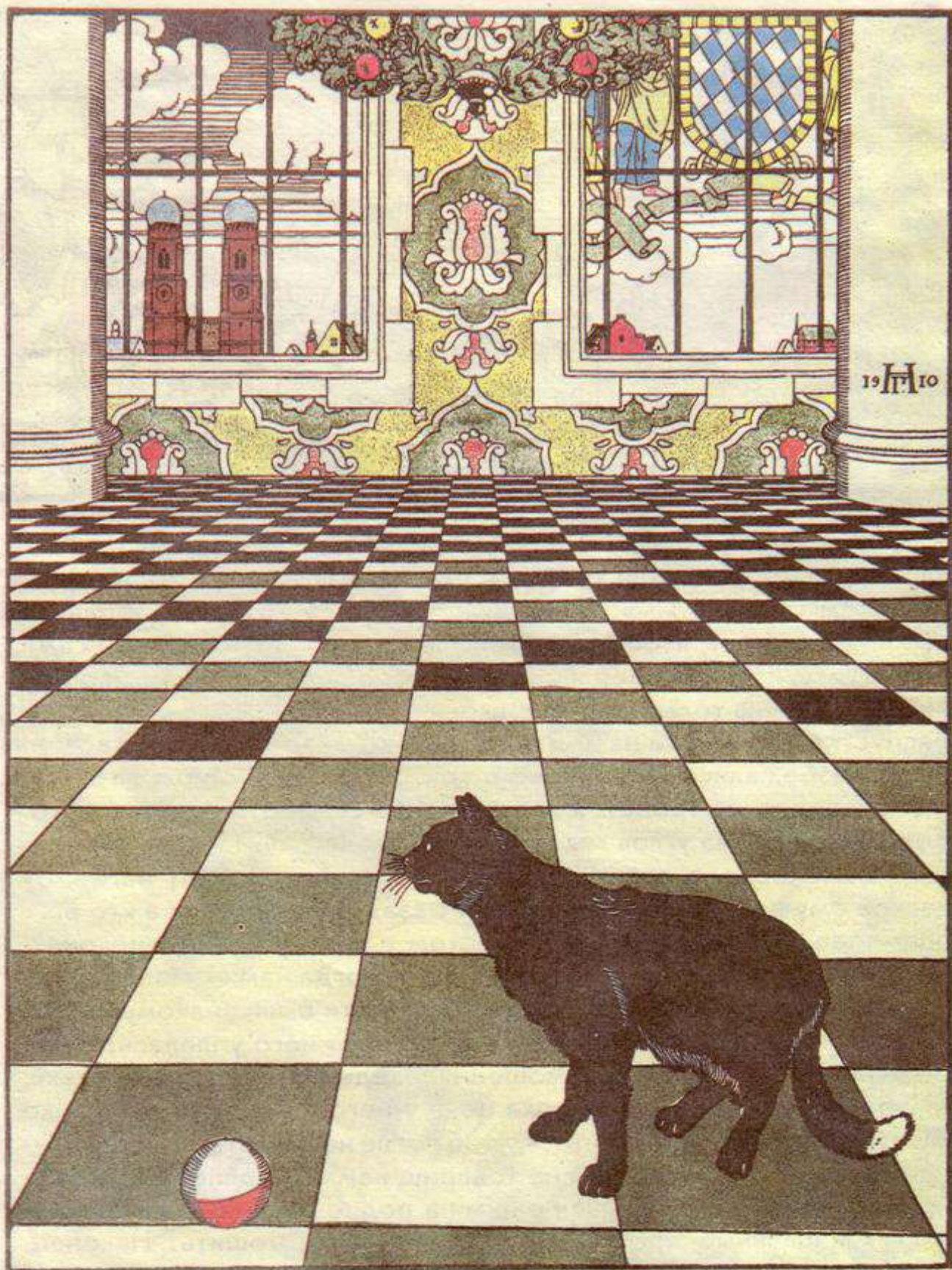

олго рассказывать мне об этом проклятом Мурлыке; каждый день от него у нас недочет. Расскажу я только то, что случилось недавно. Разнесся в подполе слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами видели это глазами своими. Вскружилось подполье; шум, беготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска — словом, мы все одурели, и сам мой Онуфрий премудрый с радости так напился, что подрался с царицей и в драке хвост у нее откусил, за что был и высечен больно. Что же случилось потом? Не разведавши дела порядком, вздумали мы кота погребать, и надгробное слово тотчас поспело. Его сочинил поэт наш подпольный Клим, по прозванию Бешеный Хвост; такое прозвание дали ему за то, что стихи читая, всегда он в меру вилял хвостом, и хвост, как маятник стучал. Все изготовив, отправились мы на поминки к Мурлыке; вылезло множество нас из подполья; глядим мы, и вправду кот Мурлыка в ветчине висит на бревне, и повешен за ноги, мордую вниз; оскалены зубы; как палка вытянут весь; и спина, и хвост, и передние лапы словно как мерзлые; оба глаза глядят не моргая. Все запищали мы хором: «Пове-

шен Мурлыка, повешен кот окаянный; довольно ты, кот, погулял; погуляем нынче и мы». И шесть смельчаков тотчас взобрались вверх по бревну, чтоб Мурлыкины лапы распутать, но лапы сами держались, когтями вцепившись в бревно, а веревки не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись наши ребята, как вдруг распустились когти, и на пол хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались в страхе, и смотрим, что будет. Мурлыка лежит и не дышит, ус не тронется, глаз не моргнет; мертвец да и только. Вот, ободрясь, из углов мы к нему подступать понемногу начали; кто посмелее, тот дернет за хвост, да и тягу даст от него; тот лапкой ему погрозит; тот подразнит сзади его языком; а кто еще посмелее, тот, подкравшись, хвостом в носу у него пощекочет. Кот ни с места, как пень. «Берегитесь, — тогда нам сказала старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у ней он весь зад ободрал, и насилу как-то она от него уплелась) — берегитесь: Мурлыка старый мошенник; ведь он висел без веревки, а это знак недобрый; и шкурка цела у него.» То услыша, громко мы все засмеялись. «Смейтесь, чтоб после не плакать, — мышь Степанида сказала опять, — а я не товарищ вам». И поспешно, созвав мышеняток своих, убралася с ними в подполье она. А мы принялись, как шальные, прыгать, скакать и кота тормошить. Наконец,

поуоставши, все мы уселись в кружок перед мордой его, и поэт наш Клим, по прозванию Бешеный Хвост, на Мурлыкино пузо влезши, начал оттуда читать нам надгробное слово, мы же при каждом стихе хохотать; и вот что прочел он: «Жил Мурлыка; был Мурлыка кот Сибирский, рост богатырский, сизая шкурка, усы как у турка; был он бешен, на краже помешан, за то и повешен, радуйся, наше подполье!...»

Но только успел проповедник это слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся. Мы бежать... Куда ты! Пошла ужасная травля. Двадцать из нас осталось на месте, а раненых втрое больше было. Тот воротился с ободренным пузом, тот без уха, другой с отъеденной мордой; иному хвост был оторван; у многих так страшно искусаны были спины, что шкурки мотались как тряпки; царицу Прасковью чуть успели в нору уволочь за задние лапки; царь Иринарий спасся с рубцом на носу; но премудрый крыса Онуфрий с Климом поэтом достались Мурлыке прежде других на обед.

Так кончился пир наш бедою.

